

СПЕЦИФИКА САМОСОЗНАНИЯ ЧЕЛОВЕКА СРЕДНЕВЕКОВЬЯ: ОБРАЗ ХИМЕРА

В европейской традиции существуют ряд образов, которые наиболее ёмко выражают самоощущение человека в определённые, особенно, – критические периоды истории. Именно таким символом была средневековая химера – полиморфное, невразумительное чудовище, части которого сами по себе пусты, а вместе выражают понимание человеком самого себя.

Для средневекового человека химера была носителем непреходящего и непреодолимого аффекта бытия: химера живет на границе, она – человек, попавший в пределы межи, человек в функции очистительной жертвы, "козла отпущения". Химера концентрирует в себе неосязаемую пустоту индивидуального бытия, которое, пытаясь отделиться от окружающего мира, утрачивает собственный смысл.

Человек средневековья жил на границе контрастов, он не признавал полутонов: тьма всегда была непроглядной, а тишина мертвой. Состояние пограничности принципиально важно для понимания места такого человека в мире. Единственной возможностью верного знания здесь было найти подобие, создать его, став похожим на Творца. Поэтому истинный мыслитель Средневековья – художник, создающий образы. Он их даже не придумывал, он их воплощал из того, что видел, а то, что он видел, порождало формы, подобные галлюцинациям и сновидениям. Специфика же реальности, в которой жил этот художник, постоянно придавала его творениям известную завершенность, вдыхая в них жизнь. В этом смысле, любой художник – всегда более, чем художник, ибо "все, созданное им, воплощается в природе" [1, 212].

Художник видит образы и воссоздает их в окружающей реальности. Наверное, поэтому химера – такой частый житель среди людей. Она – больше, чем символ, она живет по соседству, и главное – она тоже умеет видеть. Причём химера обладает поразительным, но объяснимым свойством: смотреть и в себя и в того, кто осмеливается заглянуть в ее глаза и увидеть там бездну. Химера – существо-межа, она и есть сама граница между человеком и реальностью. Так местом обитания химеры становится пространство чистого пограничья, в частности – стены соборов и церквей, а также поля средневековых рукописей, причём обе эти области невероятно близки, поскольку обе несут ещё и образовательные функции. Любой собор, любая церковь – это большая каменная книга, грандиозный bestiary [2, 10]. Стены кишат чудовищами, символическими изображениями грехов, химерами.

Художник, создавая химеру, помещая ее на пороге церкви, предоставил, таким образом, самому человеку его истинное место. Химера – человек, терзаемый страстями, и стены готических церквей стали густонаселенной границей (между миром горним и миром дольным), где обитатели – сами люди, увидевшие себя в истинном свете. Помимо вертикальной границы стен соборов, пограничность положения средневекового человека ясно видна также и на страницах рукописей. Такая страница – тоже граница, и она требовала обозначения. На полях любой Псалтири показан не тот мир, к которому привыкли наши чувства, а словно вывернутый наизнанку. Это лукавый рассказ о мире вверх тормашками, "где псы бегут от зайцев, а лани гонят львов" [3, 92]. И это был единственный способ отграничить реальность от всего неясного, чуждого. Кажущиеся невероятными чудовища миниатюр являют собой изменчивые, вычурные формы реальной жизни, не знающей, что такое определённость.

Примечательно, что в средневековой классификации живых существ, bestiarii, человеку не нашлось места. Человек – самое странное существо во всем этом строе живого. Он – тварь без смысла, будто нежить, антипод осмысленного мира, апокалипсический зверь антихриста. Истина человека скрывается именно за образом химеры. Химера абсурдна, и в этом кроется её высшее назначение. Ужас средневекового человека перед реальным миром отпечатался визуальными кошмарами во фламандской живописи позднего средневековья. Единственным путём познания тогда стало искушение, но поддаться искушению означало стать пленником химеры, отдаться во власть абсурда, безумия, ибо любой "порядок, установленный человеком, – безумие перед лицом истины Бога" [4, 51].

В известном смысле, химера запечатлела откровение средневекового человека о самом себе: откровения о том, что бредовые видения и есть реальность, что под тонкой пленкой иллюзии открывается глубина неоспоримого; и откровения противоположного, но столь же болезненного, – о том, что однажды, в тот миг между бытием и небытием, когда над всем царит бред чистого разрушения, мир в его реальности растворится в этом едином фантастическом образе. Средневековая химера, этот образ без собственного лица, очеловеченный, но не антропоморфный, позволяет увидеть истинное понимание средневековым человеком самого себя, его растворенность в мире, где фантастическое заменило реальное.

Литература:

1. Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия : Пер. с фр. – М., СПб. : Изд-во "Алетейя", 1998 – 288с.
2. Муратова К. Средневековый bestiary // Средневековый bestiary. – М., 1984. – С. 5-51.
3. Эко У. Имя Розы : Пер. с итал. – СПб. : Симпозиум, 1998. – 685с.
4. Фуко М. История безумия в классическую эпоху : Пер. с фр. – СПб. Университетская книга, 1997. – 576с.